

Татьяна Бадалова

12+

Затерянные в России,
или Записки маленькой беженки

Татьяна Айдыновна Бадалова

Затерянные в России, или

Записки маленькой беженки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48630622

SelfPub; 2019

Аннотация

Ее семья потеряла всё – родину, дом, положение... Новый статус "беженцы" в чужой стране гарантировал им только жизнь. Жизнь, в которой прошлое было растоптано, а будущее – проклято. Межнациональная война глазами девочки-подростка, убийства, предательство, трогательная верность и первая любовь в личном дневнике ребенка, которого лишили детства. Можно ли выдержать, как забыть и кто поможет встать с колен людям, попавшим в безвременье?

Затерянные в России, или Записки маленькой беженки

Часть I

ВЗОРВАННЫЙ РАЙ

О, если бы открыть глаза, неожиданно, вдруг и понять: все, что теперь, лишь дурной сон. Но сквозь дыхание лет я отчетливо слышу слова. Они летят вслед моему белому автобусу. Охрипший, кричал мой город голосами тысяч людей. Но, корчась в муках, высеченная каждым словом душа не переставала любить его.

По камушку выложена дорога к дому. Нет ей конца, нет меры моей смертной любви к ДОМУ.

1990 г., лето

Скоро наша жизнь изменится. Сегодня дядя Эльдар срубил мой любимый тополь. Он собрался переделывать голубятню в мастерскую и тополь ему мешал. Я помню его с детства. Кажется, протянешь руку, и вот уже ветки. А когда я была маленькая, то думала, что если разбежаться и прыгнуть с балкона, то обязательно приземлишься на него. Многие не любят тополя из-за пуха. А мне он очень даже нравится. Летом он, такой легкий и мягкий, всегда залетает в наши окна. Стоит сесть обедать на балконе, как в тарелке уже несколь-

ко пушинок. Крыши гаражей, асфальт, трава – всюду белый пух, будто снег. Они убили мой любимый тополь. Больше не будет пуха, все довольны, а мне хочется плакать. А как же птички? Если голубятню уничтожат, где им жить?

Уже неделю мама с бабушкой не едят сливочное масло, а бутерброды делают с вареньем. Говорят, что так вкуснее. Но я уже достаточно взрослая и сразу догадалась: они экономят масло, чтобы мне больше хватило. Другие продукты закончились. В магазинах давно все по карточкам, а прилавки пустые стоят. Странно, но в кино людям всегда есть что достать из холодильника. Неужели актерам приходится жевать резиновый сыр и колбасу?

Вчера я чуть со страху не умерла. Посреди ночи к нам кто-то пришел. Сначала раз позвонили, потом еще. Бабушка смотрит в глазок – никого, спрашивает – молчат. Только легли, снова звонок. Подходим – площадка пустая. Я такое только в кино видела. Я зарылась под одеяло, лежу и дрожу. Зубы сами собой стучали. Куда прятаться, если дверь выбьют? А когда кулаком бить начали, бабушка громко около двери сказала, что милицию вызывает. Мы потихоньку, чтобы на площадке не услышали, дверь железным прутом перегородили и старый унитаз придвинули. Но спать все равно было

страшно. Даже сейчас сердце колотится, как сумасшедшее.

Сегодня навещали прабабушку Таню. Пока мама с бабушкой прибирались на могиле и раскладывали цветы, я гуляла. Боженька, наверное, очень сердится на меня, но это так скучно сидеть на скамеечке перед надгробием и разговаривать с могилой. Будто покойник тебя слышит. Я знаю, что там, в земле закопан гроб, а в нем скелет. А душа давно улетела на небо.

Я очень люблю прабабушку Таню. Она была красивой, с голубыми глазами и белыми волосами, как ангел, совсем не похожа на нас. Мама рассказывала, что бабушка родилась в России, в городе Саратове, была богатой купчихой, а потом их семья обеднела. Кроме моей бабушки у нее было еще много детей, но почти все они умерли. Меня называли в ее честь, а она не дожила до моего рождения. Это все что я знаю. У меня даже нет с ней общих тем. Я гуляла по дорожкам, рвала цветы и тут вижу: у нескольких могил кресты пополам сломаны. Кто-то снял плиты и выбросил за ограду. Вся земля вокруг перерыта и разбросана. Что можно искать в могилах? Я смогла разобрать только две фамилии Саркисян и Аванесов. Армяне. Мама сказала, что еразы поступают так со всеми армянскими могилами. Не понимаю, ведь поссорились живые люди, при чем же здесь мертвецы? Я не стала волновать маму с бабушкой, но там было еще кое-что.

Я видела кости. По-моему, они были настоящие. Я сначала испугалась. Но крови на них не видно. Те, кто сделал это, очень злые люди. А еще они, наверное, никого не хоронили. И не любили.

Я не знаю, кто эти еразы. Мама сказала, азербайджанцы, которые приехали из карабахских и ереванских деревень. Русского языка они не знают. Значит, где-то у них есть свои дома, дети и могилы родителей. Зачем тогда им наши дома? Зачем они ломают кресты на кладбищах и разбрасывают кости? Они привезли с собой овец и коров и по городу водят. А у подъездов теперь огороды. Везде такая грязь, я недавно видела двух крыс, одну рядом с нашей детской поликлиникой, а другая пробежала мимо Дома правительства.

Скоро они запретят нам дышать! Эти проклятые еразы выгнали бабулю из булочной. Сказали, что все порядочные женщины вечерами дома сидят. Что ни один муж в такое время жену в магазин не отпустит. «А раз ты пришла сама, значит или твой муж армянин или сама ты армянское отродье». Так прямо и сказали. Там были сплошь мужчины, они обступили бабушку, а один даже хотел ее ударить. И тогда она не выдержала и стала стыдить их на азербайджанском языке, а потом ушла. Моя бабуля очень смелая, по магазинам

и на почту ходит сама, маму не пускает. Потому что «молодую обидеть может всякий, а старуху никто не тронет». Сейчас она плачет. Говорит, думала, что ее убьют и мы останемся «круглые сироты».

Мне, как старосте класса, пионервожатая поручила делать стенгазету. Написать статьи и стихи я смогу, но рисовать на огромном ватманском листе... Хорошо, что у меня есть друзья. Главным художником я назначила Сашку. Он рисует лучше всех в классе, а если еще и подключит свою старшую сестру... И потом, он не смог мне отказать. Мне тоже есть кого попросить о помощи. Мама всегда рядом. Мы с ней такого насочиняем. Завтра у нас редколлегия. Собираемся у меня дома, будем обдумывать содержание газеты. Состав, как всегда, прежний: Маринка, Ольга, Сашка и я. Вовка и Нарминка тоже обещали зайти, но это еще под вопросом.

Одна с Пилом больше не пойду. Сейчас, пока мама жарит котлеты, мы с ним гуляли. На улице почти никого не было. Все-таки утро еще. Идем обычным маршрутом, а тут дядька какой-то появился. И все за нами. Я за угол и он, я на другую сторону и он туда же. Не знаю, куда прятаться. Забежали с Пилотиком в какой-то двор, а там тоже пусто. Он подошел ко мне, стал спрашивать, как меня зовут, где я жи-

ву. Я, правда, половину не поняла, он очень плохо говорил по-русски. А потом присел на корточки, схватил меня за ногу и по колготкам гладит. А я говорю, меня мама домой зовет, и машу рукой в сторону чужого балкона. Он еще что-то говорил, какая я хорошая и симпатичная, звал куда-то. Ногу мою не отпускал. Я подумала, если зайду в подъезд, мне дверь никто не откроет, лучше бежать. Тогда я вырвалась и побежала к булочной. Там всегда людей много. Я бежала, не оглядываясь, боялась останавливаться. Он, наверное, отстал. Хорошо, что к нашему дому его не привела. Маме не скажу, а то ругаться станет.

В соседнем доме сегодня убили одного дедушку. Никто его не защитил. Он был очень старенький, всегда один ходил, с палочкой и какой-то тряпочной сумкой. Я смотрела в окно, ждала, когда мои с базара придут, и все видела. Их человек 6 было. Они его на балконе били палкой и ругались по-азербайджански. А потом стали наружу выталкивать. Деда плакал, просил отпустить. Тогда они по затылку его ударили. И он перестал плакать. Двое подняли его на руки и перекинули через балкон. Я этих дядей не запомнила. Когда дедушка упал, они стали смотреть по сторонам. Я испугалась, что меня увидят, и села на пол. Сажу и на часы смотрю. Потом до дивана доползла и там сидела. Бабушка говорит, что нас тоже могут поджечь или убить. За то, что наш дедуля армя-

нин. Мамочка, когда вернулась, сказала, что тот незнакомый деда тоже армянин был. Сказала, он еще на дороге лежит.

Сейчас 4 утра, лежу под одеялом с фонариком и пишу. Мама тоже не спит, никто во дворе не спит. Всех разбудил грохот. По нашей улице только что проехали настоящие танки. Большие, блестящие, с гусеницами и пушками. Мы проснулись от жуткого шума и скрежета железа. В других домах тоже зажгли свет. Только-только начало светать, но дома и деревья за окном уже видны. Я ждала, когда они проедут, а они все катились и катились. Раньше я видела их по телевизору. Мама сказала, что боятся нечего, это русские солдаты. Они пришли, чтобы охранять наше спокойствие. Значит, надо радоваться. Но бабушка почему-то все равно плачет, говорит, «дожили до войны». Неужели они будут стрелять из своих пушек по домам? Наш дом старый и очень крепкий. Я думаю, он выдержит. А вдруг они попадут в чье-нибудь окно? Спать не могу, глаза не закрываются. Вдруг они снова начнут греметь? Мама с бабушкой уже притихли. Притворяются, что спят. Они взрослые, им, наверное, стыдно быть трусихами.

С самого утра по телевизору передают траурную музыку. Центральные каналы отключили. А в перерывах между му-

зыкай – последние Бакинские новости. Говорят, Россия ввела к нам войска. А сегодня звонили наши родственники и сказали маме, что ее двоюродный брат пошел ночью на баррикады и не вернулся. Убили. Оказывается, азербайджанские патриоты решили войска остановить. Говорят, беспрепятственно танки дошли до Нагорной улицы, а дальше их встретила толпа. Люди вышли из домов и встали стеной, не хотели танки пропускать. Стариков не было, одна молодежь да матери с портретами детей. А у солдат был приказ не останавливаться. Вот и передавили всех. Разве можно так запросто людей давить? Ни за что?

А у нас новый учитель английского языка. Прежняя англичанка уволилась и уехала в Минводы, и на наш класс обрушилась благодать в виде нашего квадратного завуча по хозяйственной части. Он и по-русски с трудом разговаривает, больше кричит и руками машет, чем говорит. Наверное, поэтому ему больше доверяют косяки в кабинетах чинить и гвозди забивать. Раньше он целыми днями по школе с молотком слонялся, а теперь английский преподает. Мы чуть со смеху не умерли, когда он на первом уроке заставил нас переписать в тетради колонку английских слов: стол, доска, карта и т.д. Мы эти слова еще год назад наизусть знали, а он говорит: «Чтобы к концу урока все слова перевели и заучили. Приду и всех спрошу». Потом он ушел. Может, в учи-

тельской полка обвалилась или доска упала. В общем, не было его долго. Вернулся за 10 минут до конца урока и, как обещал, всех по очереди вызвал к доске и спросил. Каждый наш ответ он сверял со словарем. И так уже 4 урока. А если ему не нравится чье-то произношение, он снижает оценку на один балл. Мы между собой шутим, что теперь у нас есть урок смеха.

Сегодня ко мне снова придет Саша. Мы с ним репетируем наши роли в школьном спектакле. Я играю принцессу, а он по тексту должен объясняться мне в любви. Жалко, что не наяву. Мама говорит, что он маленького роста. Но разве все дело в росте? Он такой умный и очень веселый. Он знает тысячу анекдотов и всегда меня смешит. Мы с ним целый год сидели за одной партой, и он ни разу меня не стукнул. Мы даже не ссорились. Он списывал у меня русский, а я у него сложные задачи по математике. А еще он так красиво рисует. У меня уже целая коллекция его рисунков. Интересно, а я ему нравлюсь или нет? Мы с Маринкой из-за него чуть не разругались. Она все время вокруг него вертится и улыбается. Конечно, она такая красивая, рыженькая, с веснушками, и выше меня к тому же. Нет, он мой друг, он гуляет со мной и моей собакой по вечерам. И мы будем играть в спектакле.

Меня сегодня в первый раз выгнали из класса. Такое унижение. У нас был урок музыки, последний. Я сижу в среднем ряду за второй партой. А сзади меня Дхейхун. Он меня на каждом уроке донимает: то за косичку дернет, то списать попросит. А тут ему приспичило о чем-то меня спрашивать. Я говорю: «Отстань. Будет звонок, все тебе скажу». А он не унимается. Вообще-то я на уроках не разговариваю, но должна же была я ему ответить. И тут меня как ошпарила. Учительница говорит: «Бадалова и Абдуллаев, прекратите болтать». А я ей отвечаю: «Мы не болтаем». Прошло несколько минут, он опять начал меня теревить, тогда я повернулась и врезала ему учебником по голове. Тут такое началось. Она на меня как закричит: «Бадалова, вон из класса!». Но ведь это нечестно, не я начала. Я так ей и сказала. Сказала, что никуда не пойду. Тогда она подошла и забрала мой портфель, говорит, заберешь после уроков. Тогда я поднялась и сама из класса вышла, без разрешения. До сих пор удивляюсь, как только решилась. Все в классе ахнули: первая отличница нарушила дисциплину. Не знаю, как другие, но я считаю, что свое мнение надо отстаивать. С одноклассником, с учителем, с мамой. Если кто-то поступает несправедливо, нельзя с этим соглашаться. Вышла я в коридор и думаю, не пойду за портфелем. Не хотела я перед ней унижаться. И вдруг вспомнила, что забыла на стуле свою кофту. Я бы вернулась в класс, нельзя же домой идти без кофты. Но тут прозвенел звонок, и Ольга вынесла мне мою кофту.

Так здорово, что она догадалась. А потом все наши пошли домой. Музыка тоже вышла с моим портфелем и направилась в учительскую. Я потихоньку за ней. Она пробыла там недолго, минут десять и снова куда-то исчезла. А портфель мой оставила. Нехорошо, конечно, без разрешения старших брать вещи, но ведь это все-таки мой портфель. Я зашла, поздоровалась с нашей учительницей математики и незаметно забрала портфель. Дома я, конечно, никому ни о чем не рассказала. Зачем позориться? Что теперь будет? Она ведь на следующей уроке меня перед всем классом отчитывать станет. Ну и пусть, ну и пусть. Пусть даже двойку мне поставит. Я не боюсь.

Кто-то ночью сжег армянскую церковь. Мы сегодня ездили в универмаг и как раз проходили мимо нее. От здания остались только стены. Все черное, обгоревшее, крыша еле держится. Мама говорит, раньше там, внутри, было красиво: иконы, свечи, и все в золоте. Теперь армянам негде будет встречаться с Богом. Правда, их в Баку почти не осталось. А кто еще не уехал, прячутся.

А у нас в школе начались каникулы. Сегодня отменили все уроки. Мы подходим с мамой и девчонками к школе, а вдоль дороги танки стоят и солдат полно. Я по телевизору слышала, что военные пришли в наш город «для защиты русского и армянского населения». Кого они будут защищать? Уже и

армян никого не осталось. Мальчишки наши по танкам лазают, говорят, занятий не будет. Мне тоже очень хотелось заглянуть внутрь, но мама никогда бы мне не разрешила. Тут из дверей выглянул наш завуч Валерий Петрович. Он был сам на себя не похож, лицо белое, а глаза опухшие и красные. Он плакал. Я еще никогда не видела плачущего мужчину. Он всегда был такой строгий, никому не улыбался и таскал хулиганов за уши. Мы боимся его даже больше, чем Забелину (директор школы). Что такое заставило его, нашего железного дровосека, заплакать? Он сказал, что школу временно отдали под жилье для солдат, что они будут спать в спортзале и кушать в буфете. Когда приходит в школу, он сам не знает. Говорит, «позвоните на днях».

По дому уже три дня ходят еразы и воинствующие азербайджанцы. Это местный народный фронт, у каждого на голове красные повязки. Их несколько человек, а предводитель – наш новый сосед. Они стучатся во все двери. Ищут армян. Если узнают, что азербайджанец не выгнал свою жену-армянку, а прячет ее где-нибудь, могут убить обоих. Как хорошо, что дедушка успел уехать. Азербайджанцы без конца упрекают русских, говорят: «Вы едите наш хлеб и ходите на нашей земле».

К нам тоже приходили. Бабушка на лестничную площадку вышла и говорит: «Чего вам надо? Мой муж давно в Рос-

сии». А сосед ей отвечает: «Про мужа я знаю. А где твой младший дочь? Он мне нужен». Я поняла, он про мою тетю спрашивал. Она родная дочь дедушки и наполовину армянка. Бабушка ему сказала, что она тоже уехала, но он не поверил. Стоит и ухмыляется: «Нет, не уехаль. Я знаю». Тетя моя давно с нами не жила, по знакомым скиталась, но из Баку уезжать не хотела. Откуда еразы обо всем знают. Теперь будут каждый день ходить. Мама с бабушкой сняли с петель кухонную дверь и на ночь к входной двери приставляют. А то спать очень страшно. Мои боятся, что нас поджечь могут.

Только что читали дедушкино письмо. Он опять просит нас «повременить с отъездом». Говорит, что в Рязани, а особенно в поселке, где он теперь живет много пьющих и наркоманов, пьют и курят даже женщины. А мужчины бывают такие пьяные, что часто не доходят до дома и лежат на улице или в подъездах. Дедушка пишет, что мы никогда не сможем привыкнуть к этому. Он не хочет, чтобы Татуля то есть я)росла среди пьяниц и наркоманов. Лучше нам остаться в Баку и ждать мирной жизни. Дедушка не знает, что нам все время угрожают и по ночам стучатся в дверь. Мы решили ему об этом не писать. Бабушка еще не успела ему сообщить о покупателях на нашу квартиру. Мне кажется, уж лучше нам уехать, лучше жить с пьющими мужчинами и курящими женщинами, чем ждать, когда квартиру подожгут или взо-

рвут. И потом не может быть, чтобы все пили. Дедушка, наверное, преувеличивает. Просто он очень любит нас и волнуется.

Погибли наши цветочки, погибли все саженцы. Мы так долго ухаживали и поливали ростки на нашем пришкольном участке, ждали, когда они поднимутся, а вчера вечером набежали мальчишки из общежития напротив и все вытоптали. Интересно, у них там, в Карабахе и Ереване, не учили бережно относиться к растениям? Прямо табун какой-то. Наши еще не знают. Это только мы с мамой видели. Мы гуляли с Пилотиком недалеко от школы, слышим, крики, топот. А это они несутся, как ненормальные. Это нам еще повезло, что они нас не заметили. В последний раз, когда мы гуляли в школьном дворе, они увидели, чтобы с собакой, повисли на ограде и начали улюлюкать. Натуральные гиббоны. А несколько человек взяли в руки камни и давай стрелять в Пилотика. Но мы были далеко, так что никто не попал. Тогда трое перелезли через ограду и побежали к нам. И я спустила Пилота. Что было! Загляденье! Он хоть и не кусается, но лает звонко и бегают очень быстро. Эти трусы едва ноги унесли, перепрыгнули обратно и давай опять обезьянничать. Так что нам пришлось уйти.

Живем как на войне. Кругом танки. Нашим мальчишкам уже не разрешают на них залезать, гонят. Солдаты такие строгие. Подходить к ним нельзя. Сидят на крыше танка и бутерброды жуют. А сами тощие. Бабуля их очень жалеет. Она ходит их кормить к скверу. В первый раз я с ней была. Она подошла, а солдат ее спрашивает: «Женщина, что вы хотите?». А бабушка говорит: «Я вам поесть принесла. Мальчики, не бойтесь. Вы же голодные тут. А у меня все домашнее». Один из них заулыбался, но как-то недоверчиво: «Положите на парапет и отойдите. Мы сами возьмем». Мы отошли, тогда он спустился и взял сверток. Интересно, чего они нас боятся? Сами на танках, дула вон какие огромные, а мы безоружные.

Наш класс разделился на русских и азербайджанцев. Сашка с Азером с первого класса лучшими друзьями были, а теперь только «привет-привет». Сашкина мать ему даже фамилию сменила на русскую. Он у нас теперь не армянин, а русский стал. Над ним весь класс смеется, говорят, наш Саша вышел замуж. А он краснеет и молчит. Странно как-то получается, мы учимся вместе с первого класса и никогда не знали, что у нас есть национальности. И что дружить нужно по национальности: армянин с армянином, русский с русским, азербайджанец с азербайджанцем. Я вот только не понимаю, с кем дружить мне? Мама у меня русская, а папа азербай-

джанец, а дедушка армянин. Выходит, с кем бы я ни дружила, обязательно, кто-нибудь обидится. Одна моя подружка, азербайджанка, раньше всегда с нами гуляла, и в гости меня звала, и ко мне на день рождения приходила, а как волнения в городе начались, сразу переметнулась к другим девочкам. Теперь она только с чистокровными азербайджанками дружит. Хорошо, что мы с Ольгой и Маринкой практически одной национальности, нам не к кому перебегать. Кроме нас, русских в классе почти никого и не осталось.

Сегодня у нас на уроке литературы случилось такое! Несколько дней назад мы писали изложение, и Тамара Андреевна должна была объявить оценки. Сначала она раздала нам тетради с нашими изложениями, а потом вдруг заявила, что половина четверок и пятерок «липовые». Она сказала, что администрация заставляет учителей ставить хорошие оценки беженцам из Нагорного Карабаха и вообще всем приезжим детям. Если кто-то откажется, его выгонят из школы. Мы все были в шоке. А Тамара Андреевна посмотрела на наших новеньких и так прямо им говорит: «Учтите, оценки, которые я вам ставлю, условные, на самом деле вы не знаете мой предмет даже на «три». Я хочу, чтобы вы это знали». Я заглянула в раскрытую тетрадь Чичяк: все ее изложение было исчеркано красной ручкой, а внизу стояла «четверка». Всем нашим Тамара ставила «четыре» за одну или две

пропущенные запятые, а тут такое... После ее слов новенькие прижухли и до конца урока боялись лишней раз вздохнуть. Хорошо, что хотя бы у Тамары хватило смелости нам об этом рассказать. Остальные учителя молча завывают еразам оценки.

Вчера ночью наша соседка тетя Лида улетела в Америку. Она даже квартиру продать сумела. Нашу квартиру соседи предлагали купить за полцены. Мама говорит, поживиться хотят на чужом несчастье. Тетя Лида сначала всех родственников своих отправила, а сама до последнего осаду держала. Она очень богатая была. Ценности и ковры из дома по ночам вывозила. А перед отъездом еразы ей несколько раз дверь выломать пытались. Не смогли – железная дверь. Тогда они на лестничной площадке дежурить стали. Чтобы уехать, ей пришлось нанять машину с подъемником. Водитель корзинку к окну поднял, она и вылезла. А еразы и не догадались. Повезло ей. А другую нашу соседку-армянку прямо в аэропорту поймали. У нее муж азербайджанец, но он ее не отдал народному фронту. Когда все события начались, он ее решил потихоньку из Баку отправить. Только еразы всё равно узнали и приехали за ними в аэропорт. Они мужу сказали, мол, уходи, тебя никто не тронет, а он не согласился. Тогда они жену у него на глазах палками до смерти забили.

В школе ходят слухи, что наша Тамара Андреевна уезжает. А с нами даже не попрощалась! Мы сегодня ее на лестнице встретили. Такая грустная была, нас не узнала. Смотрела куда-то через нас, как сквозь стекло. Тамара Андреевна всегда ставила нам оценки справедливо, и всех новеньких, еразов, заставляла учить русский язык. Они пока в самом хвосте плетутся, с двойки на тройку перескакивают. Раньше наш класс был самый умный, а из-за них мы страшно отстали. Даже каких-то «в-эшек» хвалят чаще. С понедельника нам присылают новую русичку Ларису Николаевну.

Мы с мамой чуть с ума не сошли от волнения. Бабушка уехала на базар и три часа не возвращалась. Чего только мы ни передумали. Мама уже собиралась идти ее искать. Оказалось, по всему Баку автобусы останавливают и документы проверяют. Еразы входят в салон и смотрят, кто едет. Если лицо пассажира не нравится, его силой вытаскивают на улицу и разбираются. Ну, наша бабуля в обиду себя не даст. Она так по-азербайджански «чешет», что еразам и не снилось. Любого пристыдить может.

Как нам и обещали, пришла новая училка. Молодая, но вредная, как старуха Шапокляк. Перед еразами лебезит, а

всем русским нарочно оценки занижает. Меня пока не трогает, придраться не к чему. Наши новенькие уже обжились и почувствовали себя очень уверенно. По-русски ни бум-бум, ни к одному слову нужный падеж подставить не могут, а выступают на уроках, будто первые отличники класса. Меня это начинает раздражать. Чем мы хуже их? За что они получают «пятерки»?

Наша квартира как проходной двор. Приходят незнакомые люди, осматривают все, даже в туалет заглядывают. Я уже не верю, что мы уедем. Бабушка нашла одних покупателей, но они оказались плохими людьми. Хотели взорвать нас. Пришли вчера двое и у каждого по большой спортивной сумке. Мы думали, там деньги. Они прошли в гостиную, сели и как грохнут сумки об пол. Будто кирпичи. Один, который был повыше, так плохо-плохо по-русски заговорил: «Сейчас мы тебя взрывать будем. Мы знаем, твой муж – армяшка. Где ты его прячешь? Все армяне уехали, а ты что не боишься? Мы здесь хозяин. Давай квартира бесплатно и убирайся, а то взрывать будем». Он так смешно коверкал слова, я чуть не расхохоталась. Потом они с бабушкой стали по-азербайджански говорить, я не смогла ничего разобрать. А мама потихоньку вышла из комнаты и говорит мне: «Открой входную дверь и стой на площадке. Если что случится, беги на улицу и зови на помощь». Не пойму, мы уже у себя дома, че-

го бояться? Постояла немножко, потом опять вернулась. А они все не унимаются, бабушка плачет и по-азербайджански о чем-то их просит, мама руки ломает. Я думаю, звать уже или еще ничего не случилось. Хорошо соседка, баба Надя, постучалась, что-то спросить. Они вдруг сразу поднялись, забрали свои сумки и ушли.

Сегодня у нас во дворе встретила Сашку. Иду мусор выбрасывать, а он мне навстречу. Сказал, что их семья тоже уезжает, кажется, в Пятигорск к родственникам. И улыбнулся как-то странно, загадочно. Надо было у него адрес взять, да я с этим ведром. Может, увидимся еще.

...Боженька, я знаю, ты там наверху, в своем небесном дворце, и ты слышишь меня. Пожалуйста, сделай так, чтобы время повернуло назад. Пусть мы проснемся завтра, а на улице нет танков, и все люди улыбаются и ходят друг к другу в гости. Я скажу маме: «Смотри, какой у нас красивый город, нам больше не надо никуда ехать. Здесь наш дом!». И тогда она обрадуется и вернет деньги тем людям, и квартира снова будет нашей. И клумба с анютиными глазками, и люк на бульваре, в котором шумит море, и огромная зеленая жаба в канализационном колодце тоже... Бабуля говорит, что ты все видишь и слышишь. Я знаю, ты не бросишь нас, правда?

Скоро мы уедем. Мама вчера сказала, что «ничто не держит нас в этом проклятом городе». Она больше не любит Баку. Бабушка ничего не говорит, только плачет. А мне почему-то жалко уезжать. Правда, все мои подружки разъезжаются. Маринка в Новгород, Ольга – в Ртищево. И Сашкина семья тоже собирается в Пятигорск. Если мы останемся, мне даже дружить будет не с кем. В классе полно новеньких и все приезжие.

Вот и все. Контейнер увез наши вещи. Все соседи смотрели, как мы грузимся. А некоторые из-за занавесок выглядывали, чтобы никто не заметил. У нас тут каждую неделю кто-нибудь уезжает. Во дворе и русских почти не осталось. В нашем подъезде только две семьи. Остальные азербайджанцы и приезжие еразы.

Рабочие такие неаккуратные: пока с четвертого этажа мебель дотащили, всю поцарапали. Бросали в машину, как придется. А потом еще денег у бабушки потребовали больше, чем договаривались. Хоть бы елочные игрушки в пути не побились. Мама их столько лет собирала! Какой Новый год без наших игрушек?

Раньше я никогда не видела контейнеры. Это такие высокие железные ящики, которые перевозят на больших маши-

нах. Каждый закрывается на засов и опечатывается. Похож на огромный гроб для вещей. Мы отправили почти все наше добро. С нами будут только деньги и кое-что из продуктов. Если контейнер потеряется в пути, мы останемся без одежды. И спать будет негде.

До отъезда еще три дня. Хожу по квартире взад-вперед и не могу поверить, что все это уже нам не принадлежит. Я будто сплю и вижу кошмар. Комнаты без мебели стали какие-то чужие. Ни серванта, ни пианино. Только раскладушка и старый диван. На них и спим. Хорошо, что лето, укрываться не надо. А то ведь одеяла мы тоже отправили.

Зачем все так случилось? Что ждет там, в России? У деда в Рязани только одна комната, а нас будет четверо. А здесь целых три комнаты и балкон. Кому они достанутся? Обидно до слез.

Ходила к Оле прощаться. Она мне свой новый адрес в Ртищево дала и мочалку в виде ёжика подарила. Она и Маринка мои лучшие подружки. Так жалко расставаться, до слез. Я взяла у них обеих детские фотографии. Если не встретимся, хотя бы лица на память останутся. Сашка уже уехал, никто точно не знает, куда. Никому координаты не дал. Вот же вредина! Я бы хотела с ним переписываться.

Кончилась наша дружба. Вот разъедемся и больше никогда не увидим друг друга.

Завтра мы сядем в самолет и отправимся в долгое путешествие. Мне очень весело. У меня будет настоящее приключение. Россия – чудесная страна. Зимой там идет снег, можно кататься с горки и играть в снежки, а морозы бывают до 30 градусов.

Сначала мы попадем в Москву. Она такая огромная, что если захочешь обойти ее пешком, понадобится неделя. Но Рязань, где живет дедушка, тоже древний и красивый город. В самом его центре, в Кремле, расположены соборы с редкими иконами, а еще в Рязани много лесов и озер. Мне так хочется побывать в настоящем лесу. Жалко только, что в Рязани нет моря и зоопарка тоже нет.

Мама и бабушка очень рады, что мы уезжаем. Мы снова будем все вместе. Я очень скучаю без дедушки. В последнее время он много болел, он ведь там совсем один. Перед сном я всегда прошу у Боженки здоровья для всех моих родных: мамочки, бабушки, дедушки и Пилотика.

Мама говорит, что в Рязани она быстро найдет работу, а я пойду в новую школу. В российских школах детей не разделяют по национальностям. Там все ребята учатся на русском языке, и учителя не будут снижать мне оценки из-за того, что я из русской семьи.

У меня совсем мало времени, но я должна об этом написать. Наше последнее утро дома. Во дворе нас ждет маленький белый автобус, осталось чемоданы с четвертого этажа спустить. Вряд ли мы сюда когда-нибудь вернемся. Сейчас гуляла во дворе с Пилотиком и смотрела на наш дом. Окна спят. Занавески задвинуты. Еще никто не знает, что мы уезжаем. Они проснутся, откроют ставни, выйдут на улицу, а нас уже нет. Наша квартира опустела, и теперь там будут жить другие люди. А нас не будет. Никогда.

Часть II

В КРАЮ ПУГАННЫХ...

Чужие стены, чужие обвисшие и блеклые березы. Они виновны лишь в том, что растут на постылой земле. Где же плоть от плоти? Разорваны узы. Я не чувствую корней, земля не дает сил. Мы – непрошенные гости, затерянные в России. Уже не нужны там и никогда не будем востребованы здесь. Я помню все, каждый день...

Мы теперь рязанцы. Правда, назвать домом нашу новую квартиру никак не можем. Она очень маленькая, похожа на

мой школьный пенал, длинная и узкая. Погода внутри и на улице одинаковая. Если за окном жарко, то и у нас дышать нечем, а если ветер или дождь, то становится прохладно. Между рамами щели и через них очень сильно дует. Дедушка говорит, что зимой во время морозов стекла изнутри покрываются инеем и льдом, так что приходится его откалывать. Прямо как в морозильной камере. Это все потому, что зимой не всегда дают отопление. А еще в доме часто отключают свет, и мы сидим при свечах (у бабушки их много в запасе). Но хуже всего, когда нет воды. Тогда мы всей семьей ходим на колонку и таскаем воду. Стараемся за раз принести побольше, а то на пятый этаж не набегаешься. Голову приходится мыть в тазике, а купаться в большом корыте на полу. Так смешно. Но это все равно лучше, чем общежитие. Когда бабушка только приехал в Рязань, его поселили в общежитии. Один раз летом мы приехали к нему в гости и целую неделю жили в его комнате. Ничего страшнее я в жизни не видела. Повсюду тараканы, такие рыжие, противные. На лестничных клетках в окнах выбиты стекла, в коридорах грязь, запах какой-то ужасный. На кухне постоянно что-то шкварчит, выкипает. Одни жильцы варят суп, другие на этой же плите кипятят с хлоркой белье. Вода в огромных цинковых ведрах бурлит и переливается в кастрюльки с пищей. Туалет один на целый этаж и всегда занят. Я помню, как однажды утром вышла из комнаты, чтобы умыться, а мне навстречу какой-то мужчина, пьяный-пьяный. То влево его за-

несет, то вправо. Я вжалась в стену и так стояла, пока он не прошел. Мне еще повезло. Мне попался тихий пьяный. А есть пьяные бурные. Они по вечерам скандалить начинают и жен бьют. Это было почти каждый вечер. В какой-нибудь из соседних комнат слышались злобные голоса и мат. А потом по коридору по ночи бегала какая-нибудь женщина с криками: «Помогите! Убивают!» и «Чтоб ты сдох, алкаш проклятый!». Первые дни я никак не могла к этому привыкнуть. Так что наша квартира – это замечательное место. Главное, очередь в туалет занимать не надо. Мне вообще в поселке Соколовка очень нравится, правда, много неграмотных людей. Они все говорят друг другу: «ехай» и «ложи». Здесь все напоминает деревню: много лугов, пруды с ряской (я раньше думала, что это тина) и даже небольшой лесок есть. Мы с Пилочкой гуляем целыми днями..., если дождя нет.

Сегодня какая-то женщина в подъезде отчитала меня за то, что я громко топаю, когда спускаюсь со своего пятого этажа. Я и не думала никому мешать, это ведь лестничная площадка, она никому не принадлежит, я спрыгнула с пары ступенек, но ведь ни ночь, никто же не спит. Она так зло на меня смотрела, говорит, учись вести себя как полагается. Можно подумать, что я приехала из джунглей. Мальчишки из соседних домов постоянно по нашему подъезду скачут и орут, но им никто не делает замечаний. Теперь придется ходить тихо,

чтобы больше никому не мешать. Не хочу, чтобы меня снова отругали.

Слава Богу, прибыл наш контейнер. Все вещи на месте, только много всего побилось по дороге. От нашего семейного сервиза, который мама хотела мне передать, осталось только несколько тарелок и чашек. Шкаф тоже сильно пострадал. Но больше всего жалко телевизор. Мастер сказал: «Ремонту не подлежит». Почти все мамины цветы завяли. Она с досады чуть не плачет.

Что сегодня было, что было! Я видела настоящих коров и коз. Совсем рядом, так что можно было разглядеть на их спинах каждое пятнышко. Они паслись на лугу, привязанные на длинных веревках. Мы там гуляли с Пилотиком и вдруг слышим «му-у-у». Я сперва немного струхнула, все-таки живые коровы, с рогами. Но деваться было некуда: тропинка проходила мимо них, и нам пришлось идти. Я иду и на веревку поглядываю, мало ли, что им может в голову взбрести. Но они стояли такие печальные и жевали траву. А козы как увидели Пилотика, сразу занервничали, пятиться стали. У них рога подлиннее и поострее, чем у коров. В общем, задерживаться на лугу мы не решились. Есть много других мест для прогулки. Единственное, что меня разочаровало, это их

неухоженность, коровы какие-то грязные, у коз шерсть торчит во все стороны, должна быть белая, на самом деле серая. В кино совсем на таких коров показывают. Теперь мне понятно, что значит, выражение «волшебная сила преображения»: это когда грязная тощая корова превращается в упитанную и причесанную. Я вот думаю, неужели и артисты все вот так? Может, в жизни они такие же, как сейчас мои мама и бабушка, с повязанной головой и в фартуках, прокручивают через мясорубку говядину с репчатым луком, чтобы слепить котлеты?

Спешу поделиться новостью, теперь у нас с Пилой во дворе есть подруга – рыжая бездомная собака Марго. Очень доброе и приветливое существо. Мы с ней гуляем и играем. Даже когда я выхожу на улицу одна, она радостно трусит навстречу и машет хвостом. Так хорошо, когда есть с кем поговорить по душам. Когда я рассказываю ей о своем городе, она внимательно смотрит на меня своими большими карими глазами и улыбается. Некоторые не верят, что собака может улыбаться. Но, я уверена, она может и любит это делать. Мама говорит, что собаки улыбаются только хорошим людям. Значит, я тоже хорошая? Почему же со мной никто не дружит? Они отходят от меня и всегда смеются над моими одеждой и вещами. Разве я плохо одеваюсь или какой-нибудь урод?

Бабушка сказала, что от денег за квартиру ничего не осталось. Едва хватило, чтобы купить нам с мамой новую верхнюю одежду (наши старые пальто для русской зимы не годятся). А бабушка мечтала потратить их на что-то ценное и памятное. Теперь будем жить на две пенсии. Мама никак не может найти работу. Женщин после 35 лет (а маме уже 39) да еще с отметкой «переселенка» всюду гонят. Я думала, так только к судимым относятся. Неужели женщина после 35 не человек уже?

Сегодня с дедом ходили в школу относить документы. Директор здесь тоже женщина, как и в моей 212-й. И все завучи. Но, по-моему, они не любят детей. Сначала они улыбались и расспрашивали меня. А потом стали смотреть мои оценки. У меня только одна четверка по английскому. Остальные пятерки. Я очень гордилась ими. Тогда они сказали, что какая бы я ни была отличница, это ничего не значит. И все мои оценки они еще будут проверять. Говорят, «у вас на Востоке все покупается и продается, а нам нужны настоящие знания». Как же мне доказать, что все мои оценки заслуженные? Экзамен что ли сдавать по всем предметам? За что они так? Ведь я ничего не покупала. Я не двоечница. Мне всегда так нравилось ходить в школу и учиться. В Баку учителя меня

ТОЛЬКО ХВАЛИЛИ.

Я надеялась попасть в класс, где учится Марина. Это девчонка со двора, с которой мы недавно подружились. А меня записали в класс для самых умных. Там почти все отличники и хорошисты. Я не знаю никого из этого класса, но Марина сказала, что все девчонки из «д» воображали и с девчонками из других классов не водятся.

Мою маму в нашем дворе называют «странной женщиной». С первого месяца в Рязани все соседи усиленно интересуются, есть ли у меня отец и почему он не приехал с нами. Спрашивать напрямую им, наверное, неудобно и они стали действовать через нашу бабушку. Но бабуля ведь тоже не промах. Чтобы отсечь все разговоры и сплетни сказала, что муж у мамы имеется, но в Баку его задержали дела. Вообще-то мне кажется, что врать в таком деле глупо. Ведь он никогда не приедет к нам, и через год все поймут, что никакого мужа нет. Я догадываюсь, почему бабушка так сказала. У нас в доме очень много мужчин, которым нравится мама. Правда, все они пьющие, а кое-кто даже женат. Они уже пытались с ней познакомиться, останавливали ее на улице, приставали. Но мама не хочет знакомиться ни с кем, потому что, по ее словам, «она навсегда разочаровалась в мужчинах». Не

знаю, что это значит, но мне так кажется, что нового папы у меня не будет.

Как здорово, что Марина и Оля не забывают обо мне и отвечают на письма. Ольга, правда, пишет редко, она с самого начала предупредила, что не любит писать. А с Маринкой мы делимся всеми своими переживаниями. Она рассказывает, что у нее все хорошо. Класс попался замечательный, у нее появились новые подружки, а еще она записалась в танцевальный коллектив. Это так здорово! Может, и мне повезет также.

Часть III

ЧУЧЕЛО

Трудно быть изгоем, если ты хромаешь, шепелявишь или картавишь. Но куда более досадно остаться вне социума обычному жизнерадостному ребенку 12-ти лет. Я вошла в 7 «д» класс не «синим чулком», заученным до кругов под глазами, и не снежной королевой с ледяным сердцем. Всеми улыбками и доброжелательностью я стремилась к своим ровесникам, искренне верила, что и они потянутся ко мне. А дальше, как в сентиментальных романах 18 века, наша нежная дружба будет сильнее, чем любовь, и продлит-

ся до самой седой старости. И почему разочарование всегда так отрезвляюще жестоко? Вместо трогательных клятв во взаимной верности всеобщее заговорщическое молчание. Впрочем, игнорировали меня недолго. Буквально через месяц «новенькая» превратилась в главный объект для развлечений одноклассников. С 7 класса и до выпускного вечера как один кошмарный сон – непрекращающаяся травля.

Когда я пришла в класс, никто из ребят не захотел со мной сесть. Тогда Елена Николаевна, наша классная руководительница, посадила меня с Катей. Она отличница, у нее все девочки списывают. Она мне очень понравилась. Такая симпатичная, скромная. Правда, на переменах она со мной не разговаривает, уходит к своим подружкам. Я сначала за ней ходила, а потом они стали меня избегать. То в туалет пойдут, то в раздевалку, то в столовую. Ни разу не предлагали сходить вместе. У них свои секреты. А недавно к Елене Николаевне приходила Катина мама и просила отсадить от меня ее дочь. Сказала, что новая девочка отвлекает Катю от учебы. Интересно, с кем теперь мне сидеть? Лишь бы не с мальчишками. Они постоянно надо мной издеваются и обзываются плохими словами. Я с детства не выговариваю букву «р», но в Баку никто мне на это указывал. Здесь же стоило сказать первое слово, как меня тут же окрестили картавой и начали смеяться. Чувствую себя как на необитаемом

острове.

Я снова пишу стихи. Теперь получается гораздо лучше. Стараюсь, чтобы рифмы были не затертые. Это очень увлекательное занятие, маме моей нравится. Я знаю, что ее оценка не объективная, но приятно. А еще я переделываю тексты известных песенок и стихотворений. Когда мы еще жили в Баку, я почти полностью поменяла слова в песне «Взвейтесь кострами, синие ночи», было ужасно смешно. Я знаю, что многие мальчики и девочки в детстве и в юности пишут стихи, а когда взрослеют, у них пропадает дар. Но меня это не пугает. Я знаю, что всегда найду себе тему для творчества.

Нармина прислала мне письмо из Баку. У моих бывших одноклассников тоже начался новый учебный год. А меня не оставляет странное чувство, что я в Рязани только в гостях и в конце концов вернусь домой и пойду в свой родной 7 «д». Правда, Нармина пишет, что уехали не только русские, но и многие азербайджанцы, в нашем классе полно приезжих и все безграмотные. По ее словам, про мой отъезд в классе было много нехороших разговоров, что я не настоящая азербайджанка, иначе бы мои родители не решили уехать из Баку.

Мне все твердят, «теперь здесь твой дом и твоя родина». Но это не правда, не правда. Дом, в котором мы живем, совсем не наш. Он вынужден притворяться нашим. Но все стены и окна, все вокруг кричит, что он предназначен кому-то другому. И улицы, и деревья всего лишь делают вид, что ничего не замечают. Но они знают и помнят растерянность в наших глазах. Они не простят нам той, прошлой жизни. А когда мы умрем, тела наши засыплет чужая, лишь кажущаяся родной земля.

Меня одолевают сны про мой бывший класс и бакинскую 212-ю школу. Во сне все так хорошо, знакомые приветливые лица, а когда открываю глаза, воспоминания нахлынут и совсем вставать не хочется. А надо идти учиться.

В этой школе мне очень грустно. На перемене я обычно стою у окна или сижу за своим столом. Девочки обсуждают своих парней и учителей, а я делаю вид, что из их компании. Бывает, и со мной иногда разговаривают. Кое-кто из них просит списать домашнее задание или помочь на контрольной. Я никому не отказываю. Если я хорошо знаю русский или биологию, почему не подсказать? Но больше они со мной ни о чем не говорят. Отличницам мои подсказки не

нужны, и они, наверное, никогда не скажут мне «Привет!» и не позовут в столовую. Наверное, здесь такие порядки. Бабушка мне однажды сказала: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Они дружат с начальных классов, а я чужая им.

Мне в классе придумали прозвище: «забодай меня, комар». Мальчишки бегают по классу и орут его, даже учителей не стесняются. Ну, почему, почему у меня такая глупая фамилия Бадалова? У всех остальных обычные русские фамилии, их никто не дразнит, а я, получается, хуже всех. Моя национальность тоже не осталась в стороне. Кто-то из мальчишек спросил меня: «Ты армянинка?». Я говорю: «Нет. Метиска, наполовину русская, наполовину азербайджанка». Видно, слово метиска в его неразвитом мозге не задержалось, зато он хорошо запомнил другое. Он потом на каждой перемене скакал вокруг моей парты и выкрикивал: «азербайджанка, азербайджанка». Почему-то название национальности им кажется оскорбительным. Когда они так себя ведут, мне становится страшно стыдно. И за себя, потому что не могу ответить им, и за них, потому что они возводят свою ущербность в разряд достоинств. Так что уровень моей популярности среди одноклассников растет.

Зачем я здесь? Как попала в этот город? Это другая планета. Я боюсь этих русских. В Баку жили много русских, но они не кричали по ночам матерные песни, не били женщин. Дома я не встречала русских женщин с синими опухшими лицами. А здесь у нас на лестнице между этажами постоянно кто-нибудь лежит. По утрам мама провожает меня до первого этажа с фонариком. Только что мне пришлось перепрыгивать через одного мужчину. Грязный такой, и вокруг него лужа. Описался, по-моему. Он распластался поперек ступенек, как мертвый, и обойти его никак невозможно. Когда я увидела пьяного в первый раз, думала, мертвый. Деда мне сказал, что здесь почти все мужчины пьют водку, а жены за это не пускают их домой. Вот они и спят в подъезде. Но мне все равно страшно. Прохожу рядом и трясусь, а вдруг за ногу схватит или вскочит. Один раз мы с бабушкой спускались, а там лежал кто-то. Мы его даже не задели, а он голову поднял, посмотрел на нас и обругал матом. Да так громко, ревел прямо как дикий медведь. В Рязани я узнала, кто такие бомжи. Это такие одинокие дяди и тети, которые роятся в мусорных ящиках, спят на улице и поэтому надевают на себя много одежды. В Соколовке их много. Двое живут у нас на чердаке. Я по ночам слышу, как они топают и разговаривают. А еще здесь шьют шапки из кошек и собак. Недавно со двора пропали две собаки. Они были такие добрые и ласковые, никого не кусали. Я их кормила. Неделя уже как нет. И никому их не жаль. Я думаю, люди здесь злые от водки.

Зачем я снова проснулась? Господи, ведь я прошу тебя каждую ночь. Почему ты не забираешь меня из этого ада? Больше я не выдержу. Моя голова готова расколоться на двое. Сколько можно? Они все будто сговорились. Недавно сказала дома, что хочу уйти в другой класс. Так дед пошел потихоньку от меня к нашей классной. А она ему сказала, что говорила с ребятами, и никто из них ничего не имеет против меня. Я не понравилась ей с самого начала, у нее в классе есть свои любимицы. Какое ей дело до меня?

И зачем только он ходил к ней! Теперь у них есть новая тема для приколов. Смех один: дедушка просит за взрослую внучку.

Вчера у нас в классе прошла игра по химии. Было 5 команд по 5 человек. Но в моей команде было только трое: Наташка, Гоар и я. Больше никто не захотел к нам идти. Вообще-то это нечестно, ведь команды должны быть равносильными. И хотя никто из нас троих не проявляет феноменальных способностей в области химии, учительница не дала нам в помощь больше никого. Свою команду мы назвали «Дейтерий» – это изотоп водорода. Наша тема «Водород – топливо будущего». Я так нервничала, просто кошмар. Ведь никто, никто в классе не верил в нашу команду. Мы три дня сидели

в читальном зале, чтобы как следует подготовиться. Я отыскала интересную статью про одно удивительное озеро, написала стихотворение о воде. Борьба была серьезная. Задачи, формулы, вопросы. Несмотря на громадную спесь, наши соперники не приложили к своим изысканиям ни капли творчества, их материал был неинтересный. И в результате... мы победили. Три девочки против отличников и первых красавиц класса. Это было здорово! Нам вручили медали, и хотя они были сделаны из фольги и картона, думаю, что свою буду хранить еще долго.

Завтра на труде у нас вкусный урок. Все девочки в классе разбились по парам и должны приготовить дома какое-нибудь блюдо. Мы с Наташкой, как всегда вместе. Иногда мне кажется, что я поступаю с ней нечестно. Я дружу с ней не потому, что она мне так нравится, от безысходности дружу. Со мной в классе больше никто общаться не хочет. Одной совсем плохо, но и она тоже одна. С другой стороны, она списывает у меня все уроки, наверное, ей это помогает. В общем, мы с ней решили сделать салат у нее дома. У меня-то повернуться негде, а она живет в частном доме. Шли мы с ней очень долго, там, где она живет, уже настоящая деревня, все дома одноэтажные, у кого куры, у кого козы. Колонки везде, огороды. Снаружи ее дом показался мне большим и просторным, но внутри все по-другому. Кухонька очень ма-

ленькая, захламленная и вся заставлена грязной посудой, чашами, корзинами с картошкой, с капустой. Мне даже страшно стало, когда я подумала, что мне придется есть что-то, приготовленное на этой кухне. Спальня у Наташи тоже маленькая: окно, кровать, стол и стул. Гостиная чуть побольше спальни, мебель вся старомодная, безвкусная. Сразу видно, деревенскую руку. Первым делом, надежность шкафа, а потом красота. Походила я по дому, а потом сказала Наташке, что сама салат сделаю, на своей кухне. Она дала мне капусту и морковь и проводила на автобус. По-моему, она слегка обиделась, что я так быстро ушла, но ведь я даже своих не предупредила, что задержусь после школы.

Я и не думала, что на свете бывают такие страшные холода. Выходишь на улицу, и тут же задыхаешься. Такое чувство, что в ноздрях носа все покрывается тонкими льдинками. Мне приходится несколько минут просто стоять у подъезда, чтобы снова начать дышать. Лицо горит огнем, нос ломит, ноги сводит от мороза. У нас в Баку выше -5 никогда не поднималось, по крайней мере, я этого не помню, а здесь в первую же зиму -28. Когда только начались морозы, мы думали, что -15 – это предел и холоднее не может быть. Как мы ошиблись! Хорошо, что не оставили наши бакинские пальто, точно бы околели. Вообще-то мне нравится зима, и в Баку мне всегда не хватало снега. Он только выпадал и почти

сразу же таял, оставалась сплошная вода. Для нас был праздник, если снег лежал два-три дня, мы не вылезали с улицы. Снеговиков строили, в снежки играли. В Рязани снег не тает, когда я по утрам иду в школу, то не могу нарадоваться на эту красоту. Все деревья переливаются, блестят на солнце, под ногами скрипит снег, тишина кругом, как в сказке. Так бы шла и шла часами, я даже о морозе забываю в такие минуты. Но как только из-за поворота показывается ограда школы, мое настроение портится. Я знаю, что меня ждет и что вернуться домой никак нельзя.

Бабушка все говорит, что маме нужен «хороший, надежный человек». Вот я не понимаю, нам что ли плохо вчетвером? Мы с мамой большие друзья, каждый вечер разговариваем, обсуждаем прошедший день, все, что случилось. Она со мной всегда советуется, а я с ней. Мы вместе ходим по магазинам, гуляем, читаем книжки, даже поем. А если появится этот надежный человек, неужели она будет все это делать с ним? Новый муж, новая любовь. А как же я? Когда я была маленькая, закатывала маме скандалы, требовала, чтобы она никогда больше не выходила замуж, потому что я не хочу отчима. Теперь я уже взрослая, понимаю, что ей тяжело жить с родителями. Бабушка с дедушкой по-прежнему считают ее маленькой и несамостоятельной и командуют ею. Нет, мне даже страшно подумать, что она найдет себе мужа.

Мы столько лет жили без отца... Меня никто не бил, не наказывал. У других отцы бывают злые, ремнем лупят. Одна подружка, когда мы еще в Баку жили, рассказывала, что ее отец за плохую оценку тапочкой по лицу ударил. Конечно, у нас есть дедушка, но никогда не был ко мне строг. Он все мне разрешает и оберегает от всяких неприятностей. Да у меня, в общем-то, и нет особых поводов для беспокойства. Мама в упор не замечает никого из противоположного пола. Да и от нее, кажется, отстали. Она обладает уникальной способностью при желании отгонять от себя ухажеров одним лишь взглядом. Мужчины его пугаются и во второй раз не подходят.

Меня снова обстреляли снежками. После уроков я задержалась в классе, и пришлось одной выходить из школы. Обычно я стараюсь дождаться большой группы учеников, чтобы, затерявшись в их толпе, незаметно выскользнуть. Но в этот раз не удалось. Я подумала, не сидеть же мне у раздевалки и ждать, когда все мои «поклонники» разойдутся. Я появилась во дворе, и меня тут же обстреляли ледяными комьями. Особенный восторг зрителей вызвало точное попадание в лицо. До сих пор нос ломит. Я тоже люблю играть в снежки, но когда пять-шесть человек одновременно бьют в одного, это уже не игра.

Когда же они отстанут от меня? Сегодня после алгебры я бросила вещи в классе и пошла в медпункт. Прихожу, а сумки нет. До звонка минуты две, а я еще ничего достать не успела, домашний параграф не повторила. И все молчат, никто ничего не видел. Я металась, металась, все шкафы в классе облазила, в коридоре под батареей смотрела. Как сквозь землю провалилась. Тут звонок. Не жаловаться же русичке. Позорище. Хорошо, она опоздала. Потом девчонки сжалились надо мной, говорят, «в шкафу за книгами посмотри». Еле нашла.

Я даже в туалет стараюсь выходить на уроках, чтобы на перемене тихонько сидеть за своим столом и никуда не отлучаться. Бывает, забудусь и оставлю сумку или учебники в классе, а они будто следят за мной. Раз и нет учебников. Это так прикольно и круто поиздеваться над приезжей!

Скорее бы пойти работать. Тогда у меня будут свои деньги. Просить у мамы не могу. Они и так целыми днями считают, как прожить до пенсии. А над моей одеждой все смеются. Я хожу в школу в маминой куртке и меховой шапке-ушанке. Не знаю, кто в нашей семье носил ее до меня, но, по-моему, она мужская. Никто из девчонок в такую ветошь сейчас не одевается, но мои считают, что «сгодится для сельской местности». Только вот популярности мне это почему-то не при-

бавляет. Я даже ее снимала пару раз перед школой, но мороз очень сильный, голову ломит. Стараюсь не замечать их приколы, жду конца занятий и бегу домой. Иногда мне страшно хочется пойти вместо урока в раздевалку, забрать вещи и потихоньку сбежать. Я готова в дождь, в мороз бродить по окрестностям до конца занятий, лишь бы не терпеть их насмешки. Только дома я чувствую себя спокойно.

Новость дня: меня не хотят переводить в 10-й класс. Сегодня дедушка ходил к нашей классной, и она ему сказала, что лучше бы мне не рваться в высшую школу, потому что «я очень слабенькая и не потяну». И это при том, что у меня среди годовых оценок одни пятерки и четверки. Она присоветовала мне идти в техникум или в ПТУ и получать рабочую профессию, повара, к примеру, или швеи. Можно сказать, я мечтала об этом всю жизнь. Вопрос встал ребром: или биться за 10 и 11-е классы с дирекцией, или уходить в другую школу. Дед устроил педагогам грандиозный скандал, директриса испугалась и пообещала, что никто меня не тронет.

Завтра химия. А я не могу решить эти дурацкие задачи. Третий час бьюсь над ними. Не дано мне, не дано. Но я и не претендую. Марго снова вызовет меня к доске. Она будто чувствует, когда я не готова. Почему она так меня не невзлю-

била? Даже пообещала поставить в аттестат тройку, чтобы меня в институт не взяли. Ведь из всего класса в химии разбираются только человек 5. Но никого, кроме меня, она не позорит публично. Разве нельзя просто поставить оценку и посадить на место? Я и так стараюсь слиться со своим столом, чтобы она только не заметила меня. Но все бесполезно. Моя фамилия третья по списку.

Лучше бы мне совсем не отвечать устно. Они потешаются над моей картавостью и передразнивают прямо во время ответа, обычно это происходит на литературе. Если я отвечаю со своего места или сидя, то это еще не так страшно. Я не вижу их кривляющихся лиц и чувствую уверенность. Но если оказываюсь у доски, у меня начинают руки трястись от волнения. Читать стихи наизусть – это самая большая мука.

Мне ужасно стыдно. Я совершила плохой поступок. Я подралась с девочкой. В первый раз в жизни. Прямо в классе. Я стояла на перемене и слушала разговор наших девочек. В классе меня уже перестали задевать и обзывать, теперь просто не замечают. А Катя меня сразу возненавидела. С первых дней вслух прикалывалась надо мной и обзывалась. Я никогда не отвечала ей. Потом она оставила меня в покое. А сегодня опять прицепилась. Не помню, с чего все началось, но она задела мою родину: «Врешь ты все, что это столица, нет там ни домов, ни метро, одни барханы кругом.

Везде пески». Она до меня и про Азербайджан-то не слышала никогда. Почему пески, откуда пески? Это красивый город у моря. Я могла бы многое рассказать о своем городе. Но ей просто хотелось меня разозлить. А потом она ни с того ни с сего меня ударила по лицу. Я тоже толкнула ее пару раз. Бить в лицо я почему-то не могу. А все вокруг собрались и ждали, чем закончится. Я видела их ухмылки, все, все они были на ее стороне. Но прозвенел звонок, и мы разошлись.

Они отравили нашу собаку. Этот добрейший пес вилял хвостом всем соседям и ни разу не укусил никого во дворе. Но для них было важно другое. Я знаю, кто это сделал. Сосед с первого этажа ходил и рассыпал всюду отраву или специально угощал ею бродячих собак. Сначала со двора пропали две подружки нашего Пилотика, а теперь...

В подъезде собаку держали только мы. Зачем рассыпать яд на лестнице, где нет бродячих собак? Наш бедный мальчик все обнюхивал и облизывал. Мы все надеялись, что обойдется. Я сидела около него, но потом меня отправили спать. Они обещали, что разбудят, если что-то изменится. Если бы я не встала сама... Я опоздала.

Все знают, кто в нашем дворе потравил всех собак.

Я никогда, никогда не прощу им смерть моего единственного друга. Я заведу нового пса, он будет грозой двора, все без исключения будут бояться его, и уже никто не сможет

подойти к нему, чтобы накормить отравой.

Как все-таки хорошо, что не все учителя ненавидят приезжих. У меня праздник, если в расписании совпадают история и география или биология. Во время этих уроков я не трясусь, как осиновый лист, и не боюсь, что меня вызовут к доске и поднимут на смех. Учителя относятся ко мне очень хорошо, особенно наш географ. Он очень добрый и внимательный. Сразу видно, что уважает нас, не ставит себя выше. Я хожу к нему в кружок, мы много разговариваем о природе и разных странах. Биология – это мой самый любимый предмет. Я его так обожаю, что подумываю, не пойти ли мне после школы на биологический факультет. Мама говорит, что я перенесла симпатию к учительнице на ее предмет. Но мне кажется, дело не только в симпатии. У меня по биологии сплошные пятерки, какую бы тему мы ни изучали, я все понимаю с полуслова. Правда! Я не хвастаю. А по истории учителя без конца меняются. После того, как наши мальчишки бросили петарду в нового учителя, никто не хочет вести историю в нашем классе.

Вчера я пришла в школу после гриппа и тут же попала на контрольную по алгебре. Куда деваться, пришлось писать, но больших надежд я не питала. Меня не было в школе почти

месяц, за это время наши прошли новую тему. Короче сегодня, когда объявили оценки, я узнала, что многие получили пары. И я тоже. Я так сильно расстроилась, но не плакать же перед всеми. Исправить двойку можно только несколькими пятерками подряд. Придется осваивать пропущенную тему в одиночку и в ускоренном темпе. Но самое интересное случилось в конце урока, когда кто-то из моих одноклассников узрел, что в журнале напротив моей фамилии этой двойки-то и нет. Я ничего не знала, собрала сумку и уже шла к выходу, когда услышала свою фамилию. «А почему вы Бадаловой «два» не поставили? – закричала моя бывшая приятельница. – Нам поставили, а ей – нет? Мы что хуже ее?». Я была готова провалиться сквозь землю. Я стояла и думала, пусть он поставит мне «пару», только бы они все успокоились. Я подошла к учительскому столу и тоже посмотрела в журнал: действительно клеточка была пуста. На мой вопросительный взгляд математик ответил доброй улыбкой. Он сказал: «Я разрешаю тебе переписать контрольную». Господи, ведь есть же на свете хорошие люди. Он всегда понимает меня. Он знает, что я собираюсь на литературный факультет, и не злобствует по поводу моего переменного успеха в освоении его предмета.

Здесь во дворе все девчонки и парни по вечерам собираются в компании, гуляют, пьют пиво и водку. Все, кроме ме-

ня. За это они называют меня «целкой». Не знаю точно, что это такое, но, по-моему, что-то неприличное. Парни из дома вечно толкуются у нашего подъезда или сидят внутри на ступеньках и играют в карты. Будто они бродяги и дома у них нет. Всякий раз, когда я прохожу мимо, они задевают меня, вопросы глупые задают или вообще проход загораживают. Так противно. От них всегда разит перегаром, матерятся... Фу, мерзость! Я и сказать никому не могу. Если дед узнает, что ко мне пристают, поубивает их. Хорошо еще, что теперь у нас есть Чипсик. Немецкая овчарка – это серьезная собака, фамильярностей не терпит. Они все до смерти его боятся. Когда он со мной, все сразу становятся такие вежливые. Залезут на лестничные поручни и просят «покрепче держать пёсика».

Часть IV

Черные, черномазые, чурки, чурбаны, хачики – вот наше новое имя. Сколько раз мои знакомые и подружки употребляли в разговоре эти расхожие словечки, столько же раз во мне вскипали гнев и гордость. Как сильно мне тогда хотелось плюнуть в их самодовольные лица (так отвечала на оскорбления моя бабушка), оборвать их на полуслове. Пусть им будет неловко за свои слова. Хотя бы однажды. Но вместо этого я понимающе кивала головой и глупо улыбалась, будто извиняясь за свою национальность. Нет, я не боялась их осужде-

ния. Я боялась насмешки. Мне казалось, начни я вытаращивать глаза и выпячивать грудь, защищая кавказцев, сию же минуту ослаблюсь, как параноик. Слово «чурка» стало в России привычным наименованием для всех выходцев из Закавказья и прилегающих территорий. Почти аналогично тому, как назвать негра негром. Просто человек с темной кожей. Ничего личного. С приезжими из бывших советских республик еще труднее. Русские не умеют различать нас по национальностям, поэтому всех поголовно с пренебрежением называют «черными» и «чурками». Из уст русского человека даже «кавказец» сегодня звучит уничижительно.

Сегодня утром на нашем почтовом ящике появилась обратительная надпись, сделанная краской, «ЧУРКИ ВОН ИЗ РОССИИ». Бабушка увидела первой и свалилась с сердечным приступом. Даже «скорую» вызывали. Она так расстроилась. Мы с мамой не знаем, как ее успокоить. Говорит, «что вы будете делать, когда я умру, и защитит вас некому». Мне тоже не очень-то приятно ежедневно читать такое послание, но ходить с понуренной головой меня никто не заставит. Что взять с недалеких людей? Просто не надо обращать внимание.

Это кажется мне таким смешным, но на нашего дедулю

положили глаз уже три здешние примадонны: одна бабка из соседнего дома и две пожилые дамы на руководящих постах. Мы и не предполагали, что дедушка у нас такой популярный. Конечно, в молодости он кружил головы девушкам, знойный брюнет, моряк черноморского флота и все такое. Но сейчас, после 60-ти... Самое смешное, что эти тетki совершенно не берут во внимание наличие у нашего дедушки нашей бабушки. Все трое ее прекрасно знают и тем не менее продолжают откровенно предлагать проводить их до дома, помочь застегнуть сапоги, зайти «на рюмочку водочки». Если бы они знали, что обо всех их поползновениях дедуля рассказывает дома. Жалкие облезлые коровы, думают, что если они по годам моложе бабушки, то могут ее отодвинуть на задний план. Да ни одна старая калоша, осмелившаяся попить крепость нашей семьи, не сравнится с моей бабулей! Почти то же самое говорит им и дед.

Сегодня мы с мамой ходили в театр на оперетту «Веселая вдова». Удовольствие получили колоссальное. Я не театральная критик, но как зритель поставила бы им высший балл. Искрометные шутки, легкая, волшебная музыка – все это на меня так сильно подействовало, что уснуть пока не получается.

Мама с бабушкой предложили мне сменить отчество. Мол, как ты будешь жить с нерусским отчеством? Зачем тебе косые взгляды и неприятные расспросы? Везде, где приходится называть личные данные, меня по несколько раз просят повторить фамилию и отчество. Куда понятнее и приятнее окружающим, если ты не Татьяна Айдыновна, а Татьяна Александровна или Анатольевна. А если еще и фамилию русскую подобрать... Недавно я болела гриппом, температура зашкаливала за 39, и мама вызвала мне «Скорую». А там диспетчеры всегда просят назвать личные данные больного. И мама изменила нашу фамилию: Бадалова на Баталова. Если ты Баталова, люди не переспрашивают, кривясь и морщась. После того случая мама частенько пользовалась своей выдумкой, у стоматолога, в фотоателье. Всюду, где не требовалось предъявлять паспорт.

Я вот думаю, до чего должен быть унижен и забит человек, чтобы отречься от своей фамилии и скрывать место рождения?

Я никогда стыдилась своего происхождения и горжусь тем, что принадлежу к другой культуре и воспитана на иных ценностях. Приехав в Россию, я отчаянно, со слезами и преданностью в глазах старалась доказать людям, что такая же русская, как и они. Но сегодня, пройдя через все круги ада, уготованные в России мирным кавказцам, я поняла, что не хочу быть похожей на тех русских, которые оскорбляют, унижают и презирают представителей других национальностей,

приравнивая их к мусору.

Проклинаю тот день, когда мы покинули наш дом, нашу родину. Господи, зачем ты привел нас сюда? Неужели нам было мало страха и боли? Пусть и притесненные, в Баку мы находились на родине. Мы знали, что как бы то ни было, мы дома. А здесь чужая земля. Она готова в любой момент уйти из-под ног, и вот мы уже лежим в грязи. И толпа хохочет над нашей бедой, и любой прохожий может пнуть лежачего в бок. Что же, пользуйтесь моментом. Ведь когда мы вновь поднимемся, и наши ноги достаточно окрепнут, никто не решится показать на нас пальцем. Русские люди, жители Рязани, соседи по дому, прохожие, за что вы все так люто ненавидите приезжих? В чем мы провинились перед вами? Почему все ущемленные в правах евреи со всех концов земли съезжаются в Израиль и находят приют и кров на древней земле иудеев? Отчего же русские так жестоки к своим сородичам? Вероятно, мы отняли у вас дома, разрушили ваши семьи или сидим за вашим столом? Мы люди, слышите, люди, такие же, как вы. Да неужели бы мы бросили дом, будь у нас малейшая перспектива не быть убитыми на родине?!

Ну вот, мне снова указали на мое место. Вчера мы всем классом писали сочинение, а сегодня Татьяна Викторовна

объявила оценки. Я была уверена, что не сделала ни одной ошибки, но, как говорится, умнее учителя только Господь Бог. Она не только выискала у меня какие-то спорные запятые, но и подчеркнула стилистические недочеты. Ладно, если бы все это я увидела в своей тетради, но ведь меня нужно было еще и прилюдно унижить. Она зачитала и высмеяла вслух все непонятные ей места, не интересуясь, хочу ли я этого. Первые парты принимали в обсуждении самое активное участие, злорадствуя и бросая в мою сторону презрительные взгляды. Наверное, мне пора привыкнуть к подобному вниманию со стороны учителей, но русичка мучает меня изощреннее всех: изысканно, с улыбкой на пухлых губах. Правда, в этот раз ей захотелось покуражиться подольше. «И с такими ошибками ты собираешься работать журналистом?»— ухмыльнулась мне в лицо она, чувствуя поддержку всего класса. Всего неделю назад она высказала сомнение в моих способностях поступить в университет, указав на мой неразборчивый почерк.

А нам, оказывается, многие завидуют. Смешно как-то и глупо. Ведь это нам пришлось бросить дом и ехать за тридевять земель, мы вчетвером в однокомнатной квартире без воды и отопления. Маму на работе сотрудницы упрекают роскошной жизнью и удобствами, мол, «не успели приехать, как вам дали отдельную квартиру, а мы годами в общежитии».

ютимся». Будто мы сами пришли и ее заняли.

Они тысячу раз правы. Именно их, коренных россиян, необходимо благоустраивать в первую очередь. Безнравственно по 20 лет мариновать рабочих людей в общежитиях, с тараканами, клопами, совмещенным санузлом и кухней. Вероятно, своим многолетним трудом на государство они так и не заслужили несколько десятков изолированных от соседей квадратных метров. Они обижены и озлоблены. Естественно, всеобщий поток негодования направлен на тех беженцев и переселенцев, которым посчастливилось (но, поверьте, таких единицы) получить отдельное жилье. Можно было бы оскорбиться и, брызгая слюной, доказывать, что мы такие же граждане этой страны и ничуть не меньше заслужили благородный жест от руководства страны. Да не такие же, не такие. У нас темные волосы и глаза, смуглая кожа и специфический акцент в речи. Этих существенных «недостатков» вполне достаточно, чтобы еще долго оставаться чужими и, следовательно, непонятыми.

Сегодня во дворе был субботник. Из нашего подъезда вышли почти все. Мы не смогли. Мама наработалась в детсаду. У них там тоже грандиозная уборка. Я только вечером вернулась с занятий. Еле доползла до кровати. Бабушке, само собой, двор мести и подъезд красить мы бы никогда не разрешили. Они с мамой и так постоянно убирают мусор и окур-

ки за соседскими гостями. В общем-то, о намеченной уборке нас никто и не предупреждал. После работы в подъезде началось массовое гулянье. Магнитофон орал на полную катушку, все соседи перепились и плясали на нашей площадке. Бабушка, конечно, не удержалась и пошла посмотреть в глазок. Но так ничего и не увидела. Кто-то заклеил его куском газеты. С какой стати? Стоило только открыть дверь, как на нее посыпались ругательства всех мастей. Кроме этого, к нам в прихожую едва не ввалился пьяный сосед с 4-го этажа, который все это время полулежал на нашей входной двери. А глазок заклеил, чтобы «черные не подсматривали, как отдыхают русские люди». Мы, собственно, и раньше не обольщались насчет доброжелательности соседей, но сегодня они окончательно расставили точки над «и». Эта пьяная невежественная свора без всякого стыда материла маленькую тщедушную старушку. Дошло до того, что один из них хотел замахнулся на бабушку. Нет, я ничего не знала. Я делала уроки, меня, как всегда, не посвящают. Из-за громкой музыки я даже не слышала, как бабушка вышла на площадку. Удивительно, они, постоянно сплетающие друг о друге грязные слухи, были так единодушны в своей ненависти к нашей квартире №59. Единственное, что мне удалось уловить из разногласия: «Вас сюда никто не звал. А раз приехали, живите по нашим законам и слушайте нас или убирайтесь обратно к своим черным». После этих слов бабушка начала задыхаться и, наконец, вернулась домой. Не пойму, зачем вообще надо

было что-то доказывать. Дождалась, что ей наглядно объяснили, кто есть кто в этой стране.

Куда девалась прежняя дедушкина воинственность? Жизнь в Рязани превратила его в бессловесное существо. Эти безграмотные деревенские обрубки считают его старым дураком, смеются над ним и ненавидят нас, а он боится им возразить хотя бы словом. Я знаю, он не трус. Он опасается за нас. Говорит: «Я не вечный. Кто будет защищать вас, когда я умру? Они же сразу заключат вас!». Но нельзя же прощать оскорбление.

Когда после субботника соседи обругали бабулю, дедушка был на дежурстве, и мы никак не могли решиться рассказать ему об этом. В Баку в таком случае он мог бы вполне схватиться за топор и ринуться в бой. Бабушка, конечно, не утерпела. И... ничего. Он проглотил это, как будто ничего и не было. Дедушка смирился со своим униженным положением. Десять лет, которые он прожил в Рязани без нас, согнули его, он стал жить по местным законам.

Окончена моя школьная жизнь. Сегодня утром я встала свободная и счастливая. Вчера у меня был выпускной бал. Говорят, выпускной – это событие на всю жизнь, но у меня всё не как у людей. Не знаю, что именно мне следует запом-

нить. То, что чинное поднимание бокалов с шампанским в спортзале плавно перетекло в бурную пьянку-гулянку повышенного градуса с участием учителей и родительского комитета или убогую попсовую дискотеку, откуда, влекомые желанием «поблевать» постоянно выбегали мои пьяные одноклассницы? Я снова не попала в струю. У меня, наверное, было самое строгое платье в школе. За весь вечер я выпила только два бокала шампанского и не могла смотреть без омерзения на то, что происходило вокруг. Естественно, что на медленные танцы меня никто не приглашал, а быстрые мы танцевали в тесном кругу. Даже после стольких лет учебы одноклассники меня так и не приняли. Что ж, теперь уже все равно. Под утро нас погрузили в автобус и повезли к Рязанскому кремлю. Было невыносимо холодно, а мы все с голыми плечами, в тоненьких колготках. Правда, почти все девочки выпросили у мальчишек пиджаки. Нам с Аней, разумеется, никто ничего не дал. Хорошо, у девочки из параллельного класса был плащ. Мы влезли под него втроем и так шли до самого Успенского собора. Нас то и дело шатало в разные стороны, и голоса наших добрых одноклассников весело подтрунивали над нами, мол, весь вечер строили из себя недотрог, а сами напились в хлам. Я не чаяла, когда вернусь домой. Это было такое счастье, когда я вышла из автобуса. Было часов 7 утра, наверное. Я натерла себе ноги, но тогда я этого не чувствовала. Я летела домой, как ненормальная. Пришла и упала в кровать. Проснулась только недавно и ре-

шила все записать, пока впечатления не поблекли. Впрочем, какие там впечатления.

Странно, но я не помню почти ничего из того, что видела в последнее утро перед отъездом. Мы ехали в небольшом автобусе через весь город, по знакомым местам. Я болтала о чем-то бестолковом и крутила головой. Переезд казался мне увеселительным путешествием. Я, конечно, знала, что еще очень долго не увижу родной город, и старалась запомнить улицы и дома. Но больше меня занимала фантазия о другой стране и новой жизни. А потом, когда сказочная страна Россия впервые и многообещающе хлестнула меня своим радушием, я отчаянно попыталась восстановить в памяти этот роковой день. Скамейки, остановки, клумбы – все слилось в одно яркое расплывчатое пятно. Единственное, что по-настоящему и, видимо, навсегда врезалось в мое сознание, это трагический пейзаж в нашем поселке Монтино. На фоне зеленого цветущего района полуразрушенный пятиэтажный дом. За неделю до нашего отъезда там взорвался целый подъезд. Взрыв произошел ночью, когда почти все жильцы спали. Наутро мы увидели, что часть дома как будто ножом срезали. Квартиры с первого по пятый этаж лишились внешней стены. Кое-где уцелела мебель и видны на стенах обои. Похоже на архитектурный проект в разрезе. Только вот жить там уже некому. Немногим посчастливилось выжить. Обго-

ревшая мебель, обломки стены и как символ бывшего благополучия и семейного уюта – газовая плита. Как сейчас помню, она висела почти на волоске, зацепившись за кусок перекрытия. Теперь вся эта картина напомнила мне нашу разбитую жизнь, взорванное спокойствие. Мы не погибли, но голые и босые были отброшены в чужую землю. И нет уже пути назад.

Мы совершили предательство. Все эти годы, что мы прожили здесь, никто из нас старался не вспоминать об этом. Людям почему-то кажется, что если думать о своем предательстве про себя, незаметно для других, вина будет не такой очевидной. Уезжая из Баку, мы бросили нашу кошку. В Баку у нас была большая квартира, у нас жили попугаи, черепаха, собака и кошка. С попугаями и черепахой все утряслось, их взяли добрые люди. А нашу несчастную Мурочку не захотел брать никто. Перевозить в самолете и кошку и собаку нам бы никто не разрешил. Мы тогда не знали, что с трудом сумеем уговорить бортпроводников не выгонять нас из самолета с собакой. Мурка не шла к чужим людям, дичилась. Зачем надо было 6 лет держать кошку в доме, кормить ее и ласкать, чтобы потом взять и выбросить на улицу? Я помню, как она спряталась под шкафом, когда ее собрались навсегда унести из дома. Она предчувствовала свою горькую судьбу, мяукала и вырывалась. Мне тогда сказали, что ее отдали знакомым,

но в то последнее утро я видела ее. Она, одичавшая и совершенно обезумевшая от неожиданной воли, забилась в дыру под нашим домом. Я никогда не забуду ее огромные испуганные глаза, смотрящие из мрака холодного подвала. Нет, она больше не узнавала меня, когда я звала ее по имени. А может, она просто не захотела простить нас. Она погибла, я это чувствую. Слишком долго она лакомилась из собственной миски, чтобы вдруг начать ловить мышей или собирать объедки. Я думаю, этот грех лежит на нашей семье и нам еще предстоит за него расплатиться.

Умер наш дедушка. Два дня назад, утром, мама подошла к постели, а он не дышит. И весь холодный уже. Господи, как ты позволил такую несправедливость. Он был самым замечательным, добрым и справедливым человеком. Почему все эти алкаши, которые марают своим присутствием землю, живы и здравствуют, и продолжают пить, а мой дедушка умер? За что?

Обмывать покойника – ужасно. Только недавно он держал тебя за руку и говорил, а теперь ты поднимаешь его одеревеневшие руки и ноги, а они как колоды, не шевелятся. Глаза запали, нос заострился. Нет, лучше не вспоминать. По ночам, если ему было что-то нужно, он стучал нам с мамой в стенку. Я не перестаю слышать этот стук. Только ложусь в кровать, и наступает тишина, я слышу этот зов. Мне кажется,

ся, я схожу с ума. Мама тоже слышит.

Когда он умер, мне пришлось с ходу взять себя в руки и вместе с мамой бегать по разным конторам, чтобы оформлять документы и похороны. Я словно бы впала в оцепенение. Я не проронила ни одной слезы, только тяжесть какая-то страшная на душе была. Первые слезы была на кладбище, когда начали заколачивать гроб. Это был стук прощания, стук безысходности. Я вдруг поняла, что он уходит от нас навсегда, этот гроб больше никогда не откроется. Его опустили в яму. Одна горсть земли, другая и вот уже целые лопаты. Я не могла не смотреть на это, ни слушать эти звуки и ушла. Хорошо, рядом был какой-то тихий заросший пруд. Я встала на берегу и стала смотреть на воду, и так успокоилась. Только ночью, когда мы все легли, но никто не мог спать, меня прорвало. Я рыдала так долго и так отчаянно, словно это было моим единственным спасением. Мне хотелось думать, что все происходящее лишь дурной сон. Казалось, сейчас грудь моя разорвется на две части и боль вырвется наружу. Не помню, как успокоилась. Но после этого мне стало легче. Намного.

Я знаю, Бог всегда забирает к себе лучших. Но это освобождает меня от страшного чувства вины. Не могу смотреть на себя в зеркало, не могу оставаться наедине со своими мыслями. Нет, я не виню себя в его смерти, от кровоизлия-

ния в мозг и парализации никто из нас не застрахован. Меня гложет то, что я так мало, так ничтожно мало времени уделяла своему родному деду. Тому, кто любил меня больше всех на свете. Я всегда была занята только собой, своими чувствами, своими желаниями, мыслями. А ему так не хватало моего внимания. Мы часто разговаривали, мы играли в бадминтон, мы мечтали. Он всё ждал, что однажды к нему придет молодой человек и попросит моей руки...

В последнее время он постоянно пропадал на этом чертовом складе, напарники просили его подменить, и он соглашался. Мы общались по телефону. Он читал детективы, исторические хроники, а потом звонил и рассказывал мне. Господи, я вот думаю, что хорошего он видел? Большую часть жизни проработал на заводе, а потом его едва не сожгли заживо. Бежал из родного города, как вор. В России жил тише воды, ниже травы, боялся лишнего слова кому-нибудь сказать. Дежурил на складе, единственной его отрадой там был Чипсик. Он много нервничал, все переживал за меня, за маму. Ему до последнего хотелось всё держать в своих руках. И вот его парализовало, два месяца в сознании, без малейшей возможности передвижения. Пить из трубочки, писать в памперсы. Я никогда не забуду его скелетообразного тела. От крупного упитанного мужчины остались кожа да кости. Все-таки нет ничего ужаснее оставаться живой и здоровой, когда любимый тобой человек навсегда уходит из мира. Милый дедушка, прости нас. Мы тебя любим.

Не знаю, чем мы будем перебиваться дальше. Отчетливо ясно одно: наша жизнь уже не будет прежней. Как говорит бабушка, «одни мы на белом свете», «три кровинки на чужбине». Впрочем, земля перестает быть чужой, если у тебя в ней есть хотя бы одна могила. Мы приобрели в Рязани еще одну печальную собственность – несколько метров земли с оградкой и крестом. Осенью и по весне дорогу размывают дожди – без резиновых сапог не пролезть. Зимой долгий пеший путь на кладбище кажется каторгой (мы до сих пор не привыкли к суровым российским морозам). Летом рядом с кладбищем пасутся бомжи. Они съедают все продукты, что приносят на могилы удрученные своей потерей родственники, воруют цветы, чтобы продать их на рынке. Но это не может испугать нас. Мы порвем любого, кто осмелится подойти к нам с обидой. Сейчас души до краев полны болью и отчаянием. Но я знаю, это пройдет, это всегда проходит, время сглаживает острые углы. Оно не лишит тебя памяти, самые радостные и горькие моменты жизни всегда с тобой, закрой глаза и мгновенно восстановишь картинку из прошлого. От этого никуда не деться, не убежать. И все-таки воспоминания не ранят. Ты будешь помнить о давней утрате, но она уже не причинит тебе боли. Надо немножко потерпеть. Завтра наступит новый день, возможно, он принесет нам новые беды. Но это будут совсем другие беды, и в борьбе с ними

мы не заметим, как снова начнем дышать и любить.

Наступила новая эпоха в семье Бадаловых. Мы, как три мушкетера, всегда рядом, одна за всех и все за одну. Я молодая, мне пока хватает оптимизма смотреть на наше прозябание с мужественной улыбкой. Мне их так жаль, они не ждут от жизни ничего хорошего. Эти изнуренные женщины. Когда-то сильная духом и дерзкая, теперь опустившаяся до унижения перед недостойными людьми старуха, униженная самой судьбой, что велела ей покинуть родную землю и теперь уже скоро лечь в чужую подле своего мужа. И другая женщина. Та, что нет дороже на целом свете, всегда озаренная тихим сиянием. Как редко в ее взгляде появляется знакомое, казалось утраченное ею, чувство радости. В ее мечтах будущее не чудится уже таким мрачным и горьким, оно оставляет надежду, но не для нее самой, а для меня. Она всегда мечтала для меня, как сложится моя жизнь, буду ли я богата и счастлива. Себе же она желала всегда самую малость. Она считает нормальным запереть себя в четырех стенах с книгами и крепким чаем и прожить так до самой смерти. Я не могу смотреть на ее одиночество, но все мои попытки устроить ее личную жизнь неизменно отвергаются. Моя мать не понимает, что когда я уйду, ее одиночество станет особенно болезненным и ощутимым. Иногда мне кажется, что лучше бы мне совсем не выходить замуж, а жить с ней и для

нее.

Жительницы нашего двора давно перестали шушукать-ся, когда кто-то из нашей семьи проходит мимо, а довольно громко высказываются нам вслед. Особенно раздражает их моя мама. Она всегда была женщиной гордой и независимой. Оставшись без мужа, решила жить одна и ни разу не изменяла своему слову. Местным же кумушкам кажется подозрительным, что молодая женщина «не хочет мужика». Ее элегантность и опрятность в одежде также очень не нравится соколовским мадоннам. Они почему-то убеждены в том, что «чурки» не могут претендовать на стиль и красоту. Мама случайно уловила чье-то злобное скрежетание: «Надели шляпы и думают, что им подходит. А как были черные обезьяны, так и остались». Других «доброхотов» волнует проблема трезвости нашей семьи: «Понаехали тут черные. Ходят как у себя дома и порядочных из себя строят. Не пьют они. Знаем мы, как они не пьют». Как хорошо, что покойный дедушка не слышит этих слов. Все 10 лет, пока он жил в Рязани, он помогал всем соседям: кому коляску донести, кому замок в двери починить. Местные алкоголики, зная его безотказный характер, ходили к нему занять денег до получки. Сам дедушка не пил ни вина, ни водки, как ни старались его склонить к такому досугу соседские мужики. Наивная душа, он говорил, что добро всегда возвращается. Но когда его па-

рализовало, никто не предложил нам, трем одиноким женщинам помощи. Но все как один пришли подивиться, в каком богатом гробу «черные» хоронят своего старика.

Почему люди извечно находятся в поисках врага. Это должен быть уродец или юродивый, на фоне которого мы, сильные и красивые, мы, обладающие властью, выгладим героями. Мы так отчаянно хотим закидать закидать его камнями, гнать как испуганного зайца. Как мы выбираем жертву, чем руководствуется коллективный мозг? Он некрасив, глуп, хром или беден. У него непременно должен быть недостаток, явный, бросающийся в глаза всем. Мы никогда не посягнем на красоту или богатство, особенно мы боимся богатства, способного превратить врагов в друзей. Он представитель иной нации, у него другой цвет кожи, вера, образ мыслей. Он отличается от нас, значит, он заведомо хуже нас. С другой стороны, мы любим снисходить, жалеть изгоев, и, помогая им, видеть себя героями. Как уживается в характере одной нации жестокость и милосердие, как можно любить и казнить одновременно? На наших лестничных площадках стоят мисочки с молоком и кашей, лежат заветренные куски колбасы для бездомных кошечек и собачек, а рядом умирают от голода и болезней брошенные дети. Нам приятно заниматься самолюбованием, участвуя в благотворительности, а в Чечне в «поезде смерти» гниют заживо люди, в клетках

для 4-х человек находятся 12-ть. После смерти их тела выбрасывают на съедение собакам, они разлагаются на глазах русских воинов-гуманистов. К какой бы нации ни принадлежал человек, в первую очередь остается человеком, даже перед смертью нуждающимся в добром слове.

Нет, мое детство закончилось не в тот день, когда в родном городе появились танки и даже не после болезненного для всех нас переезда. Оно вдруг оборвалось в кабинете директора школы, когда сеятели разумного и вечного, откровенно усомнились в подлинности моих оценок. А что такое детство? Это светлая вера в то, что все окружающие любят и желают тебе только добра. Что добро и справедливость обязательно восторжествуют. Ребенок еще не знает, что справедливость с легкостью затмевается блеском золота, а добро делается исключительно по большому благу. Так вот, тогда в кабинете эти милые улыбающиеся женщины, директор и завуч по учебной работе дали мне первый и очень жестокий урок взрослой жизни. С тех пор вера во взаимную благожелательность и бескорыстную любовь людей меня не посещала. Нет, я не осуждаю их. Они всего лишь часть общества. И здешняя учительница русского языка, уверенная в том, что приезжий с Кавказа не может владеть русским языком на «пять», и моя бакинская учительница, которая, поддавшись всеобщим настроениям, опасалась ставить «отлич-

но» русским ученикам, они всего лишь выразители чужого мнения. Мне не за что обижаться на них. Учителя, ученики, соседи по подъезду, сами того не желая, очень помогли мне в жизни. Они сделали из меня воина. И теперь, когда в нашей семье больше нет мужчины и защитника, я вполне готова занять его место. Я смогу оградить свою мать и бабушку от всей той грязи, которая так и норовит забраться в наш дом. Я заткну все злые языки. Никто больше не назовет нас «чурками» и «черными». Мы не будем нуждаться и не пойдем по миру с протянутой рукой, как бы ни жаждали этого наши враги. Я заработаю много денег, и никто не посмеет предлагать нам в пищу собранную на помойке гнилую картошку. Мы снова встанем с колен. Я клянусь, когда-нибудь вернусь в наш ДОМ.

Для подготовки обложки издания использована фотография из семейного архива автора.